

УДК 821.161.1

Соболева А. А.*Литературный институт имени А. М. Горького (г. Москва)***МОТИВ КАСТАЛЬСКОГО ИСТОЧНИКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ
Г.Р. ДЕРЖАВИНА, А.С. ПУШКИНА И Н.М. ЯЗЫКОВА**

Аннотация. Мифологический мотив источника, дарующего вдохновение, активно разрабатывался в русской поэзии XVIII–XIX веков. Державин посредством данного мотива утверждает преемственность русской литературы по отношению к античной и одновременно констатирует зарождение отечественной поэтической традиции. Пушкин использует условный язык античной мифологии для характеристики истоков и тематики своих стихотворений, при этом русскую литературу поэт считает частью мировой. Языков использует систему образов, сложившуюся в произведениях предшественников, и одновременно вступает с ними в полемику, отвергая европейскую культуру как источник творческого вдохновения.

Ключевые слова: мотив, Кастальский источник, Державин, Пушкин, Языков.

A. Soboleva*Maxim Gorky Literary Institute (Moscow)***THE MOTIVE OF THE CASTALIAN SPRING IN THE POETRY
OF G. DERZHAVIN, A. PUSHKIN AND N. YAZYKOV**

Abstract. The mythological motive of the spring that gives inspiration was actively developed in the Russian poetry of the 18th–19th centuries. By means of this motive Derzhavin affirms the succession of the Russian literature to the classical literature and at the same time establishes the beginning of the native poetical tradition. Pushkin uses the conventional language of the classical mythology to define the sources and the themes of his poems and he considers the Russian literature to be the part of the world literature. Yazykov uses the system of images formed in the works of the predecessors and at the same time he carries on polemics with them rejecting the European culture as the source of creative inspiration.

Keywords: motive, the Castalian Spring, Derzhavin, Pushkin, Yazykov.

В русской литературе XVIII–XIX веков часто упоминается мифологический мотив источника, дарующего вдохновение. Стихотворение Г.Р. Державина «Ключ» (1779 год)¹ написано в русле мировой поэтической традиции. Лирический герой созерцает источник, орошающий всю окрестность. Во второй и третьей строфах «Ключа» поэт описывает, как ручей воздействует на окружающую природу и человека, описание не касается непосредственно вида источника, но читатель слышит звуки льющейся воды благодаря повторам звуков [ш], [ш], [ч], [р]:

© Соболева А. А., 2015.

¹Поводом к созданию стихотворения послужило окончание М.М. Херасковым поэмы «Россияда». Описываемый источник находился в подмосковном селе Гребнево.

*Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Лука поящийся, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О коль ты мне приятен зришься!*

*Ты чист, – и восхищаешь взоры,
Ты быстр, – и утешаешь слух;
Как серна, скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий*
[1, с. 123]. (Курсив мой. – А.С.)

Помимо рифм на указанные звуки в конце строки («прозрачный» – «злачны», «взоры» – «горы») Державин повторяет звуки в соседних строках, причём на одном и том же месте в строке («текущий» – «поящийся» – «кропящий», «горной» – «перлами», «восхищаешь» – «утешаешь» – «скачуща», «быстр» – «серна»). Звукопись, создающая ощущение журчания использована даже во фразах, описывающих не сам источник, а близлежащий пейзаж. Таким образом слова о том, что ключ питает окружающую природу, поддержаны художественным приёмом на фонетическом уровне. С одной стороны ключ орошает всё вокруг, с другой – гора, дуброва, солнце отражаются в воде. Если принять во внимание, что ключ в стихотворении символизирует поэтическое вдохновение, то становится очевидной мысль Державина о значении искусства, которое не только описывает, но и преобразует окружающую действительность¹.

Державин использует в своём стихотворении традиционный образ источника поэтического вдохновения из древнегреческой мифологии, ссылаясь

¹ В данном случае мы опираемся на теорию стиля А.Ф. Лосева [2, с. 205–206].

на которую есть непосредственно в тексте:

*...Завидую Пиита счастью,
Вкусившему воды твоей,
Парнаским лавром увенчанну*
[1, с. 124].

Использование мифологии, характерное для поэтов XVIII века, часто встречается и у Державина, например в стихотворении «Осень во время осады Очакова» (1788 год) [1, с. 128].

Данный художественный приём напрямую связан с мировоззрением автора. Классическая поэтика неотделима от классической концепции истории, базирующейся на бесспорном авторитете античности, разумности Ренессанса, обратившегося к античности как к эталону, усвоении Россией наук и искусств, зародившихся в древности и дальнейшем развитии этих наук и искусств [3, с. 60–63]. В стихотворении Державина описывается дарующий вдохновение ключ, он находится не в Греции, а в России. Таким образом поэт находит общие черты у принимаемой за образец античной литературы и литературы русской, только заявляющей о своём существовании. С одной стороны, данное стихотворение можно трактовать как попытку провести параллели между античной и русской литературой, утвердив тем самым ценность последней. С другой стороны, лирический герой державинского стихотворения, «сгорая стихотворства страстью» [1, с. 123], отправляется не к Кастальскому ключу, а к Гребневскому, то есть намечается формирование отечественной традиции, и поэт, не отказывая в авторитете античным образцам, говорит о желании черпать

вдохновение из отечественного источника и просит чистоты мыслей, подобной чистоте воды:

*...с чистою твоею струею
Сравнится в песнях мысль моя;
А лирный глас с твоим стремле-
нием [1, с. 124].*

В «Евгению. Жизнь Званская» (1807 год) Державин с ясностью обозначает, что он считает главной своей заслугой. Поэтические творения названы «рекой шумящей», «отзвуки от лиры» «неслись» [1, с. 390]. Подобное описание контрастирует с неспешным движением реки, на берегах которой творит поэт и безмолвным мраком вечности, в который предстоит погрузиться всему живому. Таким образом, если рассматривать приведённые выше строки не только в контексте данного стихотворения, но в контексте всего творчества Державина, можно сделать вывод, что Гавриил Романович прибегает к сравнению с рекой или морем, когда хочет говорить о всепобеждающем времени. Но если что и может противостоять времени, так это искусство, поэтому сравнение поэзии с рекой выглядит вполне закономерно.

Сравнение потока с мыслью, словом поэта мы увидим и в стихотворениях Н.М. Языкова. В послании «К А.А. Воейковой» (1824 год) Языков сравнивает с волнами поэтическое творчество:

*Как волны, высились, мешались,
Играли быстрые мечты;
Как образ волн, их красоты,
Их рост и силы изменялись...*
[8, с. 232–233]

Поэт в стихотворении описывает, как рождается произведение искусства:

*...И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала*
[8, с. 233].

Волны ассоциируются, помимо красоты, с постоянным движением, изменениями, отсутствием покоя. Волны описаны при помощи глаголов или существительных, характеризующих действия. Так подчёркивается их динамичность. В приведённом отрывке появление стихов сравнивается с рождением жемчужины в море, так перед читателем возникает многоплановый образ: волны – мысли, стихи – перлы.

В поэзии Языкова слово «волны» неоднократно употребляется в описании мыслительного процесса и процесса речи. Так в послании «А.Н. Вульффу» («Теперь я в Камби, милый мой!») (1827 год) «Легко потоки дум и слов / Струятся в образы стихов» [8, с. 283]. Также «волны прежних упований» [8, с. 300] в послании «П.А. Осиповой» («Плоды воспетого мной сада...») (1827 год), «волны дум крутых и бурных» [8, с. 303] в «Элегии» («Вы не сбылись надежды милой...») (1827 год), «надежд и мыслей волны» [8, с. 314] в стихотворении «Дева ночи» (1828 год).

В «Кубке» (1831 год) под действием вина речь «струится» [8, с. 386]:

*...как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова... [8, с. 385]*

В стихотворении «Я помню: был весел и шумен мой день...» (1834–1836 годы) беседа «тихим лилась разговором» [8, с. 425]. В послании «Графу А.А. Соллогубу» (1839 год) поэт предостерегает

адресата послания: «Обманчивой волной молвы не увлекайся» [8, с. 516].

Сравнение стихов Языкова с водным потоком характерно и для современников поэта [8, с. 682].

Вслед за Державиным и Языковым А.С. Пушкин в стихотворении «Осень. (Отрывок)» (1833 год) разрабатывает мотив рождения из потоков мысли («думы долгие в душе моей питаю» [6, с. 320]) литературного произведения:

*...Душа стесняется лирическим
волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как
во сне,
Излиться наконец свободным про-
явленьем <...>
И мысли в голове волнуются в от-
ваге...
Минута – и стихи свободно поте-
кут [6, с. 321].*

Образ Пушкина, в отличие от образов Державина и Языкова, более абстрактен. Связь с водой слов «излиться», «волнуются», «потекут» в «Осени» сохраняется на уровне внутренней формы, хотя в черновиках связь более очевидна: «стихи струёю потекут», «стихи рекою потекут» [6, с. 932]. Однако в окончательном варианте эта связь поддерживается следующим далее сравнением с кораблём, который отправляется в плавание. Таким образом сравнение мысли, слова с потоком воды получило развитие в русской литературе. Однако это ответвление мотива Кастальского ключа скорее касается создания и жизни поэтического произведения. Основную линию мотива, связанную с определением источников поэтического вдохновения, вслед за Державиным развил в своём творчестве Пушкин.

В шутовском послании «Батюшкову» (1815 год) Пушкин опирается на условный язык античной мифологии для определения истоков и тематики своих произведений:

*В пещерах Геликона
Я некогда рождён;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещён,
И светлой Иппокреной
С издегства напоенный... [4, с. 87]*

Наряду с традиционными символами вдохновения (Геликон, Иппокрена и другие) автор использует общеизвестные имена поэтов, ставшие синонимами определённых жанров и направлений в литературе. Причём себя автор стихотворения называет продолжателем традиций Тибулла и Анакреона, в то время как адресат послания призывает поэта следовать за Вергилием и воспевать «войны кровавый пир» [4, с. 87]. Для темы нашего исследования данное произведение Пушкина заслуживает внимания, так как здесь русский поэт рассматривает свои произведения как продолжение классической традиции, причём шутовской тон стихотворения говорит о творческой свободе, с которой автор относится к достижениям предшественников. Кроме того важно отметить, что стихотворение «Батюшкову» наполнено не только отсылками к античной мифологии и литературе, но является частью современного Пушкину поэтического контекста, так как в послании говорится о творческом общении автора и адресата, а завершается произведение цитатой из В. А. Жуковского («К Батюшкову. Послание», 1812 год).

Описание направлений современной поэзии через название предшественников есть и в послании «К Батюшкову» (1814 год), где Пушкин упоминает не только древних авторов, но и Парни. В стихотворении 1815 года «Моему Аристарху» Пушкин перечисляет Анакреона, Шолье, Парни, проводя линию преемственности от античной литературы к французской и затем к современной русской, таким образом говоря о последовательном развитии искусства.

Античный мотив источника вдохновения используется Пушкиным и в послании «К Н.Я. Плюсковой» (1818 год):

*Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновлённый Аполлоном,
Елисавету тайно пел* [5, с. 62].

Приведённые строки являются примером условного оборота, традиционно используемого в поэзии для описания процесса творчества. Аналогичную функцию образ горного ключа выполняет в некоторых произведениях Языкова, например в стихотворении «Тригорское (посвящается П.А. Осиповой)» (1826 год), где есть ряд отсылок к древнегреческой мифологии, в том числе упоминается источник вдохновения [8, с. 268].

«Касталийские берега» [8, с. 297] находим и в языковском послании «Графу Д.И. Хвостову» (29 июля 1827). Однако наибольшее значение для нашего исследования имеют примеры, где упоминание источника не является традиционным поэтическим оборотом, а служит ключом к раскрытию смысла произведения. В связи с этим рассмотрим написанное в 1839 году в

Теодорсгалле произведение «К стихам моим», которое начинается летним пейзажем: «небо знойно, воздух мутен» [8, с. 513]. Поскольку в стихотворении Державина «Ключ» упоминаются луга, цветы, «долы злачны», «жатва золотая» [1, с. 123], очевидно, что речь также идёт о лете. Однако если у Державина «текущий с горной высоты» [1, с. 123] ключ шумный и быстрый, то у Языкова «горный ключ чуть-чуть журчит» [8, с. 513]. В обоих стихотворениях окружающая природа гармонирует с источником: у Державина «дубраву ветерок струит» [1, с. 123], у Языкова – сад «не шелохнет и молчит» [8, с. 513]. Выше было рассмотрено, как источник в стихотворении Державина оживляет всю окружающую природу, как дарит вдохновение поэту. В стихотворении Языкова «сад тенистый бесприютен» [8, с. 513], погода не способствует ни физическому здоровью, ни духовному:

*Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов* [8, с. 514].

Данное произведение было рассмотрено Е.И. Хан с точки зрения фонетики, которой Языков всегда уделял большое внимание [7, с. 132]. Сравнивая ритмику и лексическое содержание различных строк, исследовательница приходит к выводу, что поэт не использует характерные для его творчества пиррихии, когда говорит о медлительности неудачного стиха [7, с. 143–144], так смысл стихотворения соотносится с его звуковой организацией. Эти наблюдения особенно ценны

для изучения стиля Языкова, однако Е.И. Хан не рассматривает идеологическое противопоставление, положенное в основу произведения. После рассказа о невозможности творчества вдали от Родины поэт говорит: «Право, лучше знаменитой / Наш мороз!» [8, с. 514].

За прямым заявлением о неблагоприятности европейского климата для русского поэта стоит внутреннее убеждение автора в том, что вдохновение возможно черпать только из национальных источников: «хорошо душе тогда» [8, с. 514], и растянутый стих превращается в стройный.

Не отказывая произведению «К стихам моим» в самостоятельной художественной ценности, мы должны заметить, что его смысл становится наиболее полно понятен на фоне предшествовавшей литературной традиции. С одной стороны, Языков продолжает эту традицию, разрабатывая известный мотив и при этом используя сложившуюся систему художественных образов, а с другой – вступает в полемику с предшественниками. Рассматривая произведения Державина, Пушкина и Языкова следует иметь в виду время написания стихотворения и этап, на котором в тот момент находилась русская литература. Для классицизма было важно утвердить преемственность русской литературы по отношению к литературе античной, которая считалась идеальным образцом. В написанном в 1799 году «Ключе» Державин не только утверждает эту преемственность, но и говорит о рождении отечественной литературной традиции. В задачи этой работы не входит рассмотрение духовного развития Пушкина, для нашего исследования важно отметить отношение

к мировой литературной традиции, проявившееся в разработке мотива Кастальского источника. В раннем творчестве Пушкина происходит своеобразное расширение культурного пространства, освоение западноевропейского литературного наследия. При этом Пушкин, относящийся к следующему за Державиным поколению поэтов, опирался не только на зарубежную классику, но и на отечественную традицию, что он констатировал, называя в своих произведениях наряду с известными европейскими авторами Державина, Карамзина, Богдановича и других сочинителей¹. В стихотворениях Пушкина прослеживается мысль о причастности русских авторов к единому литературному процессу. Молодой Пушкин, подразумевая европейскую литературную традицию и отечественную литературу как её часть, заявляет, что он «светлой Иппокреной / С издетства напоенный» [4, с. 87]. На этом фоне особенно показательно выглядят строки Языкова о пагубности европейского климата для его стихов («он противен мне измлада» [8, с. 514]). Стоит учитывать, что «К стихам моим» было написано в 1839 году и явилось результатом многолетних духовных поисков поэта. Русская литература к тому времени уже не нуждалась в подтверждении собственной значимости, она освоила многие достижения европейской культуры, разработала собственные образцы, и, отвечая на вопрос о духовных основах творчества, Языков однозначно делает выбор в пользу национальных источников, отечественной исторической и религиозной традиции.

¹ Например, в «Послании цензору» (1822 год).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Державин Г.Р. Сочинения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. 711 с.
2. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. Киев: Collegium, Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 288 с.
3. Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т.1. М.: Воскресенье, 1994. 463 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1994. 1206 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 3. М.: Воскресенье, 1995. 935 с.
7. Хан Е.И. Жанровое и стилевое своеобразие лирики Н. М. Языкова: дисс... канд. филол. наук. М., 1979. 167 с.
8. Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М., Л.: Academia, 1934. 925 с.